

ЗВЕЗДА
г. ПЕРМЬРИСУЮЩИЕ
ВРЕМЯ

Словно кадры кинохроники, всплывают в памяти мои вечерние и дневные бедня в этом доме и встречи, встречи... Встречи с его искусством и его людьми. Вот последние.

Мой собеседник Иван Тимофеевич Бобылев, главный режиссер, заслуженный деятель искусства РСФСР.

И. Бобылев:— Вы предложили мне поразмышлять над обобщенным портретом артиста нашего театра. Если считать, что театр вообще — это жизнь, а актер — человек, рисующий время, то весьма кстати нам в эти дни посмотреть на себя, свою работу с высоты полувекового юбилейного рубежа.

Однажды Станиславский, обращаясь к актерам, сказал: «Смотрите, как скрипач обращается со своей скрипкой: прячет ее в бархатный футляр, каждую струнку перебирает осторожно, да еще в фланельку укладывает, скрипку закрывает так, чтобы не тронуть инструмента».

Ваша скрипка — это вы сами. А что вы делаете, чтобы уподобиться прекрасной скрипке? Надеетесь на природные данные? Отлично. Но ведь природа будет отнимать у вас свои дары, а не придавать, если вы сами не добьетесь на этой скрипке самых прекрасных звуков».

Мне думается, что для многих актеров нашего театра этот совет великого служителя

ЮБИЛЕЙНЫЙ
РЕПОРТАЖ

русской сцены стал законом, жизненной необходимостью.

Сейчас в театре работают три поколения актеров: старшее, среднее и молодое. Деление это во многом условное, потому что как проведешь грань между опытом, легкостью энергии наших «стариков», высоким профессионализмом среднего поколения, энтузиазмом молодых. Проникли ли счастливые взаимовлияния. И все-таки вот что хотелось бы отметить.

Лично я глубоко чтю актеров, обладающих способностью слышать жизнь, умеющих без усталости откликаться сердцем на все жизненные процессы. Таким даром, поученным от природы и в огромной степени ими самими развитым, обладают артисты Лидия Мосолова и Владимир Дроздов. Это актеры с ярко выраженной жизненной позицией.

Вообще наше театральное дело можно сравнить с дровом, на котором произрастают ветви разноокрашенные, но их должна питать одна почва —

любовь к искусству. Так вот следующая ветвь. Это актеры, и душе у которых как бы спрятан бубенчик. На все светлое в жизни он в ответ мгновенно зазвенит. Ярким представителем такой актерской ветви являются Людмила Анискева. Она дебютировала у нас после училища три года назад в «Сельской любви» Степанка. Поначалу робко, правда, но уже «звездела». Потом были Роксана в «Сирано...», Фаурелла в «Учитель танцев», Валентина в «Прошлым летом в Чулымске» и пышце Мама в «Трех сестрах» — большая удача актрисы.

Очень ценна в актере и способность разбавить человеческую душу, умение толкнуть на размышления. Эту ветвь театрального древа достаточно ярко представляют Владимир Гинзбург и Александр Корчажников. Причем, в разных тональностях. Герои Гинзбурга более тяготеют к философскому осмыслению жизни — это и Сирано («Сирано де Бержерак»), Вершинин («Три сестры»), Старбак («Продавец дождя»); палитра Корчажникова несколько иная, она вмещает многообразие различных человеческих страстей, от комических до трагических.

Продолжая рисовать обобщенный, собирательный портрет актера пермской драмы, я бы назвал Юлию Крейнделя,

представителя актерской династии Крейнделей, с которой тесно связана история пермской драмы. В последнее время Юлия Крейндель работает особенно ярко, плодотворно. Я бы назвал имена Валентины Михайловой, Юлии Найдиной, Галины Нелиной, Виктора Сантова, Бориса Мамонова и еще наших дорогих ветеранов сцены — Галину Васильеву, Ляля Стужева, Ляля Садовского и еще многих, многих других артистов, которые самоотверженно торят свою тропу в искусстве.

Общезвестно, что без мастерства нет актера. Но мастерство и техника, пусть самая виртуозная, сами по себе могут стать холодной схемой, если не согреты любовью к делу.

Театр отбирает у артиста много, но и вознаграждает многим. И прежде всего театр вознаграждает преданность искусству, делу. Вот это качество я бы хотел считать главным в коллективном портрете артиста.

В редакционной почте последнего месяца было немало читательских писем с изъявлением благодарности и признательности театру. Одно показало мне особенно любопытным. Автор его Николай Борисович Кирьянов сообщает, что разбирая свой семейный архив, он натолкнулся на журнал «Театр и искусство», издававшийся в Петербурге. В номере журнала от 9 мая 1910 года нашел, как он совершенно верно замечает, «удивительную для нашего времени статью». Вот что в ней сообщалось:

«Постоянного театрального дела в Перми до сих пор не было, отчасти за отсутствием театра, а главным образом за выездом на дачи в летнее время той части публики, которая зимой составляет главный контингент посетителей театра».

...Однако прошлым летом малороссийская труппа Кармелю-

на сделала в Перми весьма недурные дела. И вообще гастроли выезды из Перми за лето значительные суммы денег. Приняв во внимание эти два последние обстоятельства, местный драматический кружок вошел с общественным собранием в соглашение, по которому последние (собрание) выдало первому пособию в 300 рублей на организацию драматического дела. Решено ставить легкую комедию 2—3 раза в неделю...»

Далее Н. Кирьянов просит рассказать об общественном лице пермской драмы сегодня.

С этим вопросом я адресуюсь к директору театра М. И. Гершиновичу.

Михаил Иосифович звонит по внутреннему телефону, и на его столе лежат графин-вазочка за 1976 год (ведь театр еще и производство со своей эконоимкой, планами).

— Нам было установлено по плану в 1976 году дать 460 спектаклей. Дали 505,— деловито сообщает он.— На спектаклях ориентировочно должны были побывать 209 тысяч зрителей. Посетили спектакли 237 тысяч зрителей. Селу по прежнему гастролей по области показали сорок спектаклей, на них побывали двадцать одна тысяча селян. Во всеобщем социалистическом соревновании, включающем очень много пунктов, заняли второе место.

* * *

Театр... Вечерние часы многих сотен людей принадлежит ему. Каждый день поднимается занавес, и театр дарит нам страстную музыку Пронифьевы, неповторимую прелесть «Ледяного озера», мудрость Шенширских стран.

Как изменилась бы, потускнела наша жизнь, если в ней вдруг перестали присутствовать Чаковский и Моцарт, Погодин и Брахм, Островский и Чехов... Но такое никогда не случится. И в этом великое счастье. И счастье это хранит театр.

И. ФУКЛОВА.

Л. МОСОЛОВОЙ

Была весенней грозой, Играла партизанку Зою. И вот опять на сцене Слово, Все зримо: радость и беда. И хорошо, что Мосолова Душой, как прежде, молода... И мы Вам кланяемся низко, Большая русская артистка!

А. КОРЧАЖНИКОВУ

Правдивость разума и чувства Во всех ролях его видна. Он любит не себя — искусство, И та любовь как жизнь — одна!

Г. ВАСИЛЬЕВОЙ

Облик дышит благородством, В каждой роли — мастерство... И под чутким руководством Провсцветает ВОТ!

В. ГИНЗБУРГУ

Любовью, гневом или кручиной — Он вас захватит все равно... Он может все. Он — плут Крачнинский, И он — отважный Сирано!

В. ДРОЗДОВУ

Дроздов на сцене. Он — в ударе, В его игре — порыв, полет... Дроздов играет на гитаре, И море камское поет. Из всех сердец восторг исторг Артист, общественник, номсорг. Рис. В. РАДНЕВИЧ. Рис. Г. Демченко.